

# ДЕЛО «КАЛАШНИКОВ ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»<sup>1</sup>

*Жалоба № 47095/99*

*Страсбург, 15 июля 2002 г.*

По делу «Калашников против Российской Федерации» Европейский Суд по правам человека (Третья секция), заседая Палатой в составе:

*Ж.-П. Коста, Председателя Палаты,*

*В. Фюрмана,*

*Л. Лукайдеса,*

*Сэра Николаса Братца,*

*Х.С.Грев,*

*К. Трайя,*

*А. Ковлера, судей*

*а также с участием С. Долле, Секретаря Секции Суда,*

*заседа 18 сентября 2001 г. и 24 июня 2002 г. за закрытыми дверями,*

*вынес 24 июня 2002 г. следующее Постановление:*

## **ПРОЦЕДУРА**

1. Дело было инициировано жалобой (№ 47095/99), поданной 1 декабря 1998 г. в Европейский Суд против Российской Федерации российским гражданином Валерием Ермиловичем Калашниковым (далее — заявитель) в соответствии со Статьей 34 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

2. Предметом жалобы заявителя являются, в частности, условия его содержания под стражей, длительность его содержания под стражей и продолжительность производства по возбужденному против него уголовному делу.

3. Жалоба была передана в производство бывшей Третьей секции Суда (пункт 1 Правила 52 Регламента Суда). Внутри этой секции на основании пункта 1 Правила 26 Регламента была образована Палата для рассмотрения настоящего дела (пункт 1 Статьи 27 Конвенции).

4. Как заявитель, так и власти Российской Федерации представили свои замечания по вопросу о приемлемости жалобы и по ее существу (подпункт (b) пункта 3 Правила 54 Регламента). Каждая сторона ответила в письменном виде на замечания другой стороны.

---

<sup>1</sup> Российская газета. 2002. № 197, 199. Постановление вступило в силу 15 октября 2002 года.

5. Слушания по вопросу о приемлемости жалобы и ее существу проходили в открытом заседании во Дворце прав человека в Страсбурге 18 сентября 2001 г. (пункт 4 Правила 54 Регламента).

В заседании Европейского Суда приняли участие:

(a) от властей Российской Федерации: *П. Лаптев*, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека,

Ю. Берестнев,  
С. Волковский,  
С. Разумов,  
Ю. Калинин; *советники*;  
К. Бахтияров,  
О. Анкудинов,  
В. Власихин, *эксперты*,

(b) от заявителя: К. Москаленко, Московский центр международной защиты, Н. Сонькин, Московская областная коллегия адвокатов, *адвокаты*, В. Калашников, *заявитель*.

6. Европейский Суд заслушал выступления П. Лаптева, К. Москаленко и П. Сонькина, а также ответы В. Власихина, П. Лаптева и К. Москаленко на вопросы трех судей.

По просьбе Европейского Суда власти Российской Федерации представили фотографии камеры, в которой содержался заявитель. Власти Российской Федерации передали Европейскому Суду видеоролик с видами камеры и окружающих помещений после ремонта, который был сделан после освобождения заявителя.

7. Решением от 18 сентября 2001 г. Европейский Суд объявил жалобу частично приемлемой.

Европейский Суд затем нашел, что проверка с выездом на место, или «направление миссии с целью установления фактов», не вызывается необходимостью, поскольку в распоряжении Европейского Суда имелось достаточно материалов дела для того, чтобы прийти к необходимым выводам по делу. В частности, Европейский Суд нашел, что таковое мероприятие не сможет достичь какой-либо полезной цели, так как нынешние условия в камере, как это было показано в видеозаписи, больше не напоминали условия в период содержания в ней заявителя. Это было подтверждено и представленными фотографиями.

8. 1 ноября 2001 г. Европейский Суд изменил состав своих секций (пункт 1 Правила 25 Регламента), но настоящее дело оставалось в производстве Палаты, образованной внутри бывшей Третьей секции.

9. Стороны не представили дополнительных замечаний по существу жалобы.

10. 28 декабря 2001 г. заявитель предъявил требования о справедливой компенсации в соответствии со Статьей 41 Конвенции, по поводу которых власти Российской Федерации представили свои замечания.

## **ФАКТЫ**

### **А. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА**

11. Заявитель, 1955 года рождения, проживает в г. Москве. В рассматриваемый период он работал в должности президента Северо-Восточного акционерного банка.

12. 8 февраля 1995 г. против заявителя было возбуждено уголовное дело, детали которого излагаются ниже в разделе «В». 29 июня 1995 г. заявитель был заключен под стражу и 3 августа 1999 г. приговором Магаданского городского суда он был осужден по обвинению в незаконном присвоении средств банка и приговорен к лишению свободы.

### **А. Условия содержания под стражей**

13. В период с 29 июня 1995 г. по 20 октября 1999 г. заявитель содержался под стражей в учреждении ИЗ-47/1 (следственный изолятор № 1 — СИЗО-1) г. Магадана. 20 октября 1999 г. он был направлен для отбывания наказания по приговору городского суда от 3 августа 1999 г. в исправительное учреждение АВ-261/3, расположенное в населенном пункте Талая. 9 декабря 1999 г. он был возвращен в СИЗО г. Магадана, где и отбывал наказание вплоть до своего освобождения, то есть до 26 июня 2000 г.

1) Фактические обстоятельства в их изложении Европейскому Суду заявителем

14. Что касается первого периода своего заключения в Магаданском СИЗО, то заявитель утверждал следующее.

Он содержался в камере площадью 17 кв. м, в которой имелось восемь спальных мест в два яруса. При этом в камере почти всегда содержались 24 заключенных, лишь иногда их количество сокращалось до 18. Поскольку каждое спальное место предназначалось для троих заключенных, спать приходилось по очереди. Остальные ожидали своей очереди, лежа или сидя на полу или картонных коробках. Нормальные условия для сна отсутствовали, поскольку в камере круглосуточно работал телевизор, а в дневное время в камере царили общая суeta и шум. Свет в камере никогда не выключался.

15. Унитаз находился в углу камеры, на всеобщем обозрении. Перегородка отделяла унитаз от умывальника, но не от жилой части камеры и обеденного стола. Унитаз находился на возвышении, на высоте приблизительно полметра от пола, а высота перегородки составляла 1,1 м. Так что человек, сидящий на унитазе, был виден не только его сокамерникам, но и надзирателю, наблюдавшему за заключенными через глазок в двери камеры.

Заключенные принимали пищу за столом, который находился в метре от унитаза. Пища была низкого качества.

16. В камере отсутствовала вентиляция, летом в ней было душно и жарко, зимой — очень холодно. В камере все время был спертый воздух, поэтому окно было постоянно открыто. Поскольку вокруг много курили, заявитель невольно стал пассивным курильщиком. Заявитель утверждает, что ему ни разу не выдавали нормальное постельное белье, тарелки и другие столовые приборы. Администрация СИЗО выдала ему только ватный матрас и тонкое фланелевое одеяло, а столовые принадлежности ему приходилось одалживать у сокамерников, которым их передавали родственники из дома.

17. Камеры СИЗО кишели тараканами и муравьями, но к их истреблению никаких мер не принималось. Единственная профилактическая санитарная мера состояла в том, что раз в неделю надзиратели приносили заключенным ведро хлорки для туалета.

18. У заявителя возникли различные кожные заболевания и грибковые инфекции, у него сошли ногти на ногах и на некоторых пальцах рук. В период проведения судебного разбирательства по делу заявителя — с 11 ноября 1996 г. по 23 апреля 1997 г. и с 15 апреля 1999 г. по 3 августа 1999 г. — в судебном заседании объявлялись перерывы с тем, чтобы заявитель мог пройти курс лечения от чесотки.

Шесть раз в камеру, где содержался заявитель, помещали заключенных с туберкулезом и сифилисом, и ему делали профилактические инъекции антибиотиков.

19. Заявитель утверждает, что его ежедневно выводили из камеры на прогулку только на один час, а горячий душ он мог принимать только два раза в месяц.

20. Наконец, заявитель утверждает, что после того, как 9 декабря 1999 г. он был переведен обратно в СИЗО, условия содержания существенно не улучшились. Его не обеспечили нормальным постельным бельем, полотенцами или столовыми принадлежностями. Из-за отсутствия соответствующих медикаментов ему не было обеспечено лечение в связи с кожными заболеваниями. Камера, в которую он был помещен, по-прежнему кишела тараканами, и мероприятия по уничтожению насекомых не проводились уже пять лет. Однако в марте-апреле 2000 года число заключенных в камере с восьмью койками сократилось до 11 человек.

2) Фактические обстоятельства в их изложении Европейскому Суду властями Российской Федерации

21. Власти Российской Федерации утверждали, что площадь камеры, в которой содержался заявитель, составляет 20,8 кв. м. У заявителя было отдельное спальное место, постельные принадлежности, столовые приборы и возможность получения медицинской помощи. Камера рассчитана на восемь человек. В связи с общей переполненностью СИЗО на каждое спальное место приходилось по двое-трое заключенных. В камере, где содержался заявитель, находилось 11 или более заключенных на каждый данный момент, а обычно число заключенных в ней было 14. Спали по очереди, по восемь часов. Всем заключенным выдавались ватные матрасы, фланелевые одеяла и простыни.

22. В камере, где содержался заявитель, имеется санузел — унитаз и умывальник. Унитаз расположен в углу камеры и отгорожен от жилой части камеры перегородкой высотой 1,1 м, что обеспечивает уединение для отправления естественных нужд. Эти нормы и требования установлены «Указаниями по проектированию и строительству следственных изоляторов Министерства внутренних дел СССР», утвержденными 25 января 1971 г.

Власти Российской Федерации представили Европейскому Суду фотографии камеры, в которой содержался заявитель, условия в которой, по оценке заявителя, немного изменились с того момента, когда он впервые туда поступил. Власти Российской Федерации также передали Суду видеоролик с видами помещений СИЗО после капитального ремонта, который был сделан после освобождения заявителя.

23. В камере имеются окна, обеспечивающие доступ свежего воздуха и дневного света. Оборудовать камеру системой принудительной вентиляции не представлялось возможным. В жаркий период для улучшения вентиляции можно было открыть окошко двери камеры. Кроме того, заключенные пользовались малыми вентиляторами, которые им передавали из дома.

24. В камере имелся телевизор, принадлежавший заявителю, так что он сам мог решать, когда его включить и когда выключить. Телевизионные передачи транслируются в данном регионе в течение нескольких часов в дневное время.

25. 11 февраля 1998 г. у одного из сокамерников заявителя был обнаружен сифилис. Этот заключенный был сразу помещен в изолятор, где он прошел полный курс лечения этого заболевания. Все остальные заключенные, содержащиеся в одной камере с больным, в том числе и заявитель, 26 февраля 1998 г. прошли профилактический курс лечения и сдали анализы на серологическую реакцию. Эти меры были осуществлены в соответствии с «Руководством по медицинскому обеспечению лиц, содержащихся в следственных изоляторах и исправительно-трудовых учреждениях МВД СССР», утвержденным 17 ноября 1989 г.

В январе 1999 года один из блоков следственного изолятора был закрыт на реконструкцию, в связи с чем содержащиеся в нем заключенные были распределены по другим камерам. Заключенные, которых перевели в камеру, где содержался заявитель, находились там в течение недели, и некоторые из них были больны туберкулезом. Однако, по мнению медицинского персонала, это не представляло угрозы для других заключенных, так как больные в этот период проходили амбулаторное лечение.

2 июня 1999 г. в камеру, где содержался заявитель, был помещен заключенный, у которого наблюдались остаточные явления туберкулеза. Этот заключенный в течение двух месяцев проходил профилактическое лечение в целях предотвращения возможных рецидивов заболевания. Поскольку туберкулеза в открытой форме у него не наблюдалось, опасности заражения других заключенных не было.

Заявитель неоднократно проходил флюорографические исследования, никаких отклонений от нормы в грудной клетке обнаружено не было.

15 июня 1999 г. в камеру, где содержался заявитель, был помещен заключенный, который в этот период лечился от сифилиса. Проведенные впоследствии медицинские обследования заявителя дали отрицательные результаты. Анализы крови заявителя, сделанные в этой связи, также дали отрицательные результаты.

26. Заявитель систематически проходил медицинский осмотр, и ему оказывалась помощь врачей-специалистов — дерматолога, терапевта, стоматолога. Когда у заявителя обнаруживались различные заболевания (нейроциркуляторная дистония, чесотка, грибковые заболевания), ему сразу же оказывалась медицинская помощь. В период судебного разбирательства объявлялись перерывы для лечения заявителя.

27. Заявитель имел возможность мыться в душе раз в неделю, а на прогулку его выводили на два часа в день.

28. Наконец, по информации властей Российской Федерации, для предотвращения инфекционных заболеваний в следственных изоляторах осуществляется профилактическая дезинфекция в целях своевременного уничтожения патогенных микроорганизмов, членистоногих и грызунов в соответствии с вышеупомянутым Руководством МВД СССР 1989 года. При этом отмечается, что, действительно, распространенность насекомых в следственных изоляторах — большая проблема.

### 3) Медицинская карта и заключение медицинской экспертной комиссии

29. По данным медицинской карты заявителя, в декабре 1996 года он болел чесоткой, в июле и августе 1997 года — аллергическим дерматитом, в июне 1999 года у него возникло грибковое инфекционное заболевание на ступнях, в августе 1999 года — на пальце руки, в сентябре 1999 года — микоз, в октябре 1999 года —

грибковое инфекционное заболевание на ступнях, руках и в паховой области. В медицинской карте также указывается, что в связи со всеми этими заболеваниями проведено лечение.

30. Заключение медицинской экспертной комиссии, подготовленное в июле 1999 года, указывало, что у заявителя имелись нейроциркуляторная дистония, астеноневротический синдром, хронический гастродуоденит, грибковые инфекционные заболевания на ногах, руках и в паховой области, а также микоз.

## **В. Производство по уголовному делу и обжалование меры пресечения в виде содержания под стражей**

31. 8 февраля 1995 г. заявитель был привлечен к уголовной ответственности по подозрению в незаконном присвоении средств банка, и в отношении него была избрана мера пресечения в виде подписки о невыезде. Было возбуждено уголовное дело за номером 48529.

32. 17 февраля 1995 г. ему было предъявлено обвинение в присвоении 2 050 000 акций, принадлежащих другой компании.

33. 29 июня 1995 г. по постановлению следователя и с санкции прокурора заявитель был арестован и заключен под стражу на время проведения следствия на том основании, что он препятствовал установлению истины по уголовному делу. В частности, в постановлении указывалось, со ссылками на конкретные эпизоды, что заявитель отказывался представить определенные банковские документы, необходимые следствию, оказывал давление на свидетелей и занимался подлогом документов. В постановлении отмечался также тяжкий характер преступления, в совершении которого его обвиняли.

Срок его содержания под стражей впоследствии продлевался решениями соответствующего прокурора, даты принятия этих решений не указываются.

34. 4 июля 1995 г., 31 августа 1995 г. и 26 сентября 1995 г. адвокатом заявителя подавались ходатайства об освобождении его из-под стражи в Магаданский городской суд, который отклонил эти ходатайства соответственно 14 июля 1995 г., 9 сентября 1995 г. и 4 ноября 1995 г.

35. Заявитель утверждает, что с августа 1995 года по ноябрь 1995 года следствие не проводилось, так как оба следователя, в производстве которых находилось данное дело, были в отпусках, а лицо, которому оно временно было передано, не предпринимало никаких действий.

36. 14 декабря 1995 г. заявителю было предъявлено обвинение, в котором содержалось восемь дополнительных пунктов, связанных с незаконным присвоением средств банка.

37. 6 февраля 1996 г. предварительное следствие по обвинению, предъявленному заявителю, было окончено, и дело было направлено в Магаданский городской суд.

38. 1 марта 1996 г. заявитель подал в городской суд ходатайство об освобождении его из-под стражи, которое было отклонено 27 марта 1996 г.

39. 27 марта 1996 г. Городской суд решил возвратить дело прокурору Магаданской области для производства дополнительного расследования. Прокурором области был подан протест в Магаданский областной суд на решение о возвращении дела на дополнительное расследование; областной суд решением от 29 апреля 1996 г. подтвердил решение от 27 марта 1996 г.

40. По окончании дополнительного расследования 15 мая 1996 г. прокурор области направил дело в городской суд 19 июня 1996 г.

41. В тот же период, 16 мая 1996 г., заявитель подал в Городской суд ходатайство об освобождении из-под стражи, в котором указал, что из-за плохих условий содержания его здоровье ухудшилось. 26 мая 1996 г. его ходатайство об освобождении из-под стражи было отклонено.

23 июня 1996 г. заявитель вновь обратился с просьбой об освобождении из-под стражи.

42. 11 ноября 1996 г. городской суд приступил к рассмотрению дела заявителя. В тот же день суд отклонил его ходатайство об освобождении из-под стражи, заявленное 23 июня 1996 г.

43. В ходе судебного заседания 27 декабря 1996 г. заявитель обратился к городскому суду с просьбой освободить его из-под стражи по медицинским показаниям. Он заявил, что в его камере, где содержится 21 заключенный, коек только восемь; вентиляция отсутствует, а все заключенные курят; постоянно на всю громкость включен телевизор; кроме того, он заболел чесоткой. Получив медицинскую справку, подтверждавшую факт заболевания чесоткой, суд отложил рассмотрение дела до 14 января 1997 г. При этом суд отклонил просьбу подсудимого об освобождении из-под стражи ввиду тяжести преступления, в котором он был обвинен, и опасений по поводу того, что в случае освобождения из-под стражи подсудимый будет препятствовать установлению истины.

44. Рассмотрение дела заявителя Городским судом продолжалось до 23 апреля 1997 г.

7 мая 1997 г. рассмотрение дела было приостановлено в связи с отстранением от занимаемой должности председательствовавшего судьи за совершение ненадлежащих действий, не имевших отношения к делу заявителя.

45. 15 июня 1997 г. заявитель вновь подал ходатайство об освобождении из-под стражи, ссылаясь на плохие условия содержания.

46. В июле 1997 года дело заявителя было передано в производство другому судье, который назначил дело к слушанию на 8 августа 1997 г. В назначенный день заседание не состоялось, так как в нем не смог участвовать защитник по состоянию здоровья. Ходатайство заявителя об освобождении из-под стражи было отклонено ввиду тяжести преступления, в котором он был обвинен, и опасений по поводу того, что подсудимый станет препятствовать установлению истины по уголовному делу.



Следующее ходатайство заявителя об освобождении из-под стражи было подано 21 сентября 1997 г. и отклонено 21 октября 1997 г.

47. 22 октября 1997 г. заявитель подал жалобу по поводу своего дела в Магаданский областной суд с просьбой передать дело из городского суда для рассмотрения в областной суд. Он также подал жалобу в Верховный Суд Российской Федерации, который направил ее на рассмотрение в Магаданский областной суд. Письмами от 31 октября 1997 г. и от 25 ноября 1997 г. областной суд информировал заявителя об отсутствии оснований для принятия дела к производству этим судом и предложил заявителю обращаться с любыми вопросами по поводу его дела в Городской суд. Областной суд также предложил городскому суду принять меры к рассмотрению дела заявителя.

48. 21 ноября 1997 года он направил жалобы в различные инстанции, в частности в Администрацию Президента Российской Федерации, в Магаданский городской суд, в Высшую квалификационную коллегию судей Российской Федерации — орган, занимающийся вопросами профессиональной компетентности судей, — а также Генеральному прокурору Российской Федерации. В этих обращениях заявитель, *inter alia*, жаловался на ужасные условия содержания при отсутствии какого-либо решения по существу обвинений, на то, что он получил различные кожные заболевания, что у него сошли ногти на пальцах ног и имеются нарушения в работе сердца.

49. В своем письме от 5 февраля 1998 г. председатель Магаданского городского суда сообщил заявителю, ссылаясь на сложность дела и большую загруженность судей, что суд возобновит рассмотрение его дела до 1 июля 1998 г.

50. 11 февраля 1998 г. Магаданский областной суд направил в Городской суд 11 жалоб заявителя, переадресованных Генеральным прокурором Российской Федерации, Верховным Судом Российской Федерации и другими инстанциями.

51. 23 февраля 1998 г. заявитель объявил голодовку, чтобы привлечь внимание властей к тому, что он содержится под стражей в течение длительного периода, при том, что его дело судом не рассматривается, и продолжал голодовку до 17 марта 1998 г.

52. 1 марта 1998 г. заявитель подал жалобу в связи с возбужденным против него уголовным делом в Администрацию Президента Российской Федерации и в один из комитетов Государственной Думы с просьбой о содействии в передаче его дела в Магаданский областной суд.

53. 3 марта 1998 г. Управление юстиции Магаданской области в ответ на жалобу заявителя, поданную в Министерство юстиции Российской Федерации, заявило, что суд сможет рассмотреть дело во второй половине 1998 года.

54. В тот же период заявитель обратился в Конституционный Суд Российской Федерации с жалобой о несоответствии Конституции Российской Федерации положений статей 223<sup>1</sup> и 239 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, касающихся предельных сроков начала рассмотрения дел в суде. В письме от 10 марта 1998 г. Конституционный Суд известил заявителя о том, что,

поскольку оспариваемые положения не устанавливают каких-либо сроков содержания под стражей на период судебного разбирательства по делу, его жалоба не подлежит рассмотрению.

55. Заявитель также обратился с жалобой на задержку в рассмотрении его дела в Высшую квалификационную коллегия судей Российской Федерации, которая письмом от 30 марта 1998 г. предложила Магаданскому областному суду разобраться в этом вопросе.

56. 2 апреля 1998 г. заявитель подал жалобу в Верховный Суд Российской Федерации по поводу задержки с назначением судебного заседания для рассмотрения его дела, ссылаясь в том числе и на плохие условия содержания. Копии этой жалобы были направлены и в другие инстанции. Все жалобы заявителя были направлены инстанциями, в которые они были поданы, для рассмотрения в Магаданский городской суд.

57. 13 апреля 1998 г. Магаданский областной суд проинформировал заявителя о том, что Городскому суду предложено принять меры к рассмотрению его дела. В сообщении областного суда также отмечалось, что данное дело должно быть рассмотрено по первой инстанции Городским судом, а областной суд может выступить лишь в качестве кассационной инстанции.

58. 25 мая 1998 г. заявитель возбудил ходатайство в городском суде о передаче его дела в областной суд для рассмотрения по первой инстанции.

28 мая 1998 г. решением председателя областного суда в целях ускорения производства дело заявителя было передано в Хасынский районный суд.

59. 11 июня 1998 г. заявитель обратился с жалобой по поводу задержки начала судебного рассмотрения его дела в Высшую квалификационную коллегия судей Российской Федерации.

60. 16 июня 1998 г. заявитель обратился в Хасынский районный суд с просьбой освободить его из-под стражи, указав в своем обращении, что здоровье его ухудшилось в результате пребывания в переполненном следственном изоляторе и из-за плохих условий содержания в камере.

В тот же день он подал заявление в Хасынский районный суд с просьбой о передаче его дела на рассмотрение в Магаданский областной суд. В своем заявлении он указал, что передача его дела в Хасынский районный суд незаконна и что удаленность этого суда от г. Магадана затруднит объективное и справедливое рассмотрение дела.

61. 1 июля 1998 г. заявитель обратился в областной суд с жалобой, в которой указал, что Хасынский районный суд до сих пор не назначил дело к слушанию, и попросил областной суд ускорить производство по его делу.

62. 3 июля 1998 г. дело было возвращено в Магаданский городской суд, так как заявитель выразил несогласие с передачей его в Хасынский районный суд.

63. 8 июля 1998 г. заявитель получил письмо из областного суда, в котором сообщалось об отсутствии оснований для рассмотрения его дела областным судом.

по первой инстанции и для принятия дела указанным судом к своему производству.

На следующий день заявитель обратился в Городской суд с просьбой об освобождении его из-под стражи, ссылаясь на плохие условия содержания.

64. 31 июля 1998 г. заявитель подал жалобу в Высшую квалификационную коллегия судей Российской Федерации по поводу того, что Городской суд в течение длительного времени никак не может рассмотреть его дело. 19 августа 1998 г. его жалоба была передана в Магаданский областной суд с запросом о предоставлении информации по поводу жалобы, а также о работе городского суда. 27 августа 1998 г. областной суд направил жалобу заявителя в городской суд. Заявитель подал жалобу и в Магаданский областной суд по поводу задержки начала судебного разбирательства по его делу; 11 августа 1998 г. областной суд передал эту жалобу в городской суд.

65. 7 сентября 1998 г. заявитель направил еще одну жалобу в Высшую квалификационную коллегия судей Российской Федерации, в которой указал, что все ранее поданные им жалобы передавались Магаданским областным судом в Городской суд, но никакие меры не предпринимались. 23 сентября 1998 г. жалоба заявителя была передана в Магаданский областной суд с напоминанием о ранее сделанном запросе на предоставление информации по поводу причин столь длительной задержки в рассмотрении дела заявителя. 7 сентября 1998 г. заявитель также подал жалобу по поводу проволочек в производстве по делу в Верховный Суд Российской Федерации.

5 октября 1998 г. заявитель подал новые жалобы в областную и Высшую квалификационные коллегии судей Российской Федерации.

66. 13 ноября 1998 г. Городской суд назначил судебное заседание по рассмотрению данного дела на 28 января 1999 г.

67. 25 ноября 1998 г. заявитель подал жалобу в Высшую квалификационную коллегия судей Российской Федерации на действия председателя Магаданского городского суда, по-видимому, с требованием о возбуждении против него уголовного дела. 22 декабря 1998 г. эта жалоба была передана на рассмотрение председателю Магаданского областного суда с предложением отчитаться перед соответствующей квалификационной коллегией, если утверждения заявителя окажутся обоснованными.

16 декабря 1998 г. Магаданский областной суд передал в Городской суд очередную жалобу заявителя.

68. 18 января 1999 г. заявитель подал в Городской суд заявление об освобождении его из-под стражи.

69. 28 января 1999 г. Магаданский городской суд принял решение о возвращении дела заявителя прокурору для производства дополнительного расследования в связи с нарушениями процессуальных норм, допущенными органами следствия. Указанные нарушения состояли в неполном предъявлении материалов дела обвиняемому по окончании предварительного следствия, а также

в неточной регистрации документов дела. Суд отказал заявителю в просьбе об освобождении из-под стражи, исходя из тяжести предъявленных обвинений и опасений по поводу того, что в случае освобождения из-под стражи подсудимый станет препятствовать установлению истины. Заявитель обжаловал этот отказ в Магаданском областном суде, который 15 марта 1999 г. оставил жалобу без удовлетворения. В то же время Областной суд отменил решение о возвращении дела органам следствия как необоснованное и дал указание Городскому суду приступить к его рассмотрению. Отдельным решением, вынесенным в тот же день, Областной суд признал длительную задержку в рассмотрении дела необоснованной ввиду того, что дело не представляло особой сложности, и предложил городскому суду в течение месяца представить информацию о принятых мерах.

70. 17 марта 1999 г. заявитель вновь обратился в Городской суд с просьбой об освобождении из-под стражи.

В тот же день он направил в Высшую квалификационную коллегия судей Российской Федерации жалобу по поводу длительного содержания его под стражей без какого-либо решения суда. Пять дней спустя заявитель обратился с аналогичной жалобой в областную квалификационную коллегия судей.

5 апреля 1999 г. заявитель подал очередную жалобу в Высшую квалификационную коллегия судей Российской Федерации по поводу длительных проволочек в производстве по его делу.

71. 15 апреля 1999 г. Городской суд возобновил рассмотрение дела заявителя.

В ходе судебного заседания 20 апреля 1999 г. прокурор обратился с просьбой о проведении психиатрического освидетельствования заявителя в целях оценки его психического здоровья ввиду длительного содержания под стражей. Городской суд удовлетворил эту просьбу и отложил в судебном заседании рассмотрение дела до 30 апреля 1999 г.

72. В ходе судебного заседания 30 апреля 1999 г. заявитель вновь обратился с просьбой об освобождении из-под стражи, но его просьба была отклонена. Заявитель утверждал, что страдал от недосыпания. В камере содержались 18 заключенных, и им приходилось спать по очереди. Он также заявил, что не сможет препятствовать установлению истины по делу, так как все следственные действия уже произведены.

Прокурор, участвовавший в заседании, обратился к Городскому суду с просьбой потребовать от администрации места содержания заявителя под стражей обеспечить заявителю условия для нормального сна и отдыха на период рассмотрения его дела в суде. Прокурор также заявил о намерении возбудить аналогичное ходатайство перед прокурором, осуществляющим надзор за деятельностью мест содержания под стражей.

Заявитель также сообщает, что впоследствии прокурор, осуществлявший надзор за условиями содержания заключенных, посетил его камеру и признал, что

заклученные содержатся в плохих условиях, но заявил при этом, что в других камерах условия ничем не лучше, а средств на улучшение условий содержания нет.

73. В ходе судебного заседания 8 июня 1999 г. заявитель обратился с ходатайством об освобождении из-под стражи. Он указал, что в камере, где содержались 18 заключенных, он не может надлежащим образом подготовиться к даче показаний в суде. Он также заявил, что дважды заразился чесоткой и что ему не меняют постельное белье. Ходатайство заявителя было отклонено.

74. В ходе судебного заседания 16 июня 1999 г. заявитель вновь обратился с ходатайством об освобождении из-под стражи, ссылаясь на плохие условия содержания. Он также заявил, что приобрел грибковое заболевание, а все тело в болячках от укусов клопов, которыми кишела его постель. Он и двое других заключенных вынуждены использовать одну койку для сна по очереди. В душ заключенных водят раз в две недели. В камере нечем дышать, так как все курят. Он плохо себя чувствует, у него болит сердце. Он похудел, его вес снизился с 96 кг до 67 кг. Он также указал, что в случае освобождения из-под стражи не сможет чинить препятствий в рассмотрении дела.

Городской суд постановил оставить просьбу заявителя без рассмотрения, по-видимому, в связи с тем, что она была подана вне связи с вопросами данного заседания.

75. 22 июня 1999 г. Высшая квалификационная коллегия судей Российской Федерации отстранила от занимаемых должностей председателя Магаданского городского суда, а также председателя Магаданского областного суда и двух его заместителей за допущенные проволочки с рассмотрением дела заявителя.

76. В ходе заседания в Городском суде 23 июня 1999 г. заявитель сказал, что не может участвовать в судебном заседании из-за плохого самочувствия. Суд назначил медицинское освидетельствование заявителя экспертной комиссией с тем, чтобы установить, позволяло ли ему состояние здоровья участвовать в судебном разбирательстве и не следовало ли его госпитализировать.

В заключении комиссии, представленном в июле 1999 года (точная дата не указана), говорится, что у заявителя имеется ряд заболеваний (см. выше § 30). По мнению экспертов, для лечения этих заболеваний госпитализация не требовалась, и заявитель мог по-прежнему содержаться в следственном изоляторе. Эксперты пришли к заключению, что состояние здоровья заявителя позволяло ему участвовать в судебных заседаниях и давать показания.

77. В судебном заседании 15 июля 1999 г. заявитель обратился к суду с ходатайством об освобождении его из-под стражи. Он заявил, что суд практически завершил исследование доказательств, так что он никак не сможет воспрепятствовать установлению истины по делу. Ходатайство заявителя было отклонено.

78. В определении, датированном тем же днем, Городской суд отметил, что в период с 15 апреля по 15 июля 1999 г. им рассмотрено более 30 обращений

заявителя, в том числе повторные обращения по поводу ранее отклоненных ходатайств. Суд отметил, что заявитель высказывался в том смысле, что будет давать показания только в том случае, если его обращения будут удовлетворены, и что суд усматривает в такой позиции сознательную попытку затянуть судебное разбирательство.

79. Городским судом были заслушаны показания девяти из 29 свидетелей, которые должны были явиться в суд по повестке. Показания не явившихся в суд 12 свидетелей, данные ими в ходе предварительного следствия, были оглашены в открытом судебном заседании.

80. Приговором от 3 августа 1999 г. городской суд признал заявителя виновным по одному пункту обвинительного заключения, в котором содержались девять отдельных обвинений, еще по двум пунктам он был признан невиновным. Суд назначил заявителю наказание в виде лишения свободы сроком на пять лет и шесть месяцев с отбыванием наказания в исправительном учреждении общего режима, с исчислением срока наказания с 29 июня 1995 г. Городской суд отметил низкое качество предварительного следствия и указал на необоснованные попытки следователей увеличить число пунктов обвинения. Кроме того, суд выявил нарушения процессуальных норм, выразившиеся, *inter alia*, в недостатках, связанных с ненадлежащим представлением в суд необходимых документов. Эти недостатки пришлось устранять в ходе судебного рассмотрения дела, что и привело к задержке производства по делу. Суд указал, что в ходе расследования не был обеспечен надлежащий надзор за соблюдением процессуальных норм со стороны органов, осуществлявших руководство следствием, а также со стороны прокуратуры Магаданской области.

Определением от того же числа Городской суд вынес решение о возвращении дела в одной из частей обвинения прокурору для производства дополнительного расследования. Заявитель обжаловал данное определение в Верховный Суд Российской Федерации, который 30 сентября 1999 г. признал вынесенное определение законным.

81. Приговор городского суда от 3 августа 1999 г. мог быть обжалован в областном суде в течение семи дней после его провозглашения. Заявитель не подал кассационную жалобу, так как полагал, что областной суд также сыграл свою роль в вынесении обвинительного приговора, и считал, что шансов на успех у него нет. 11 августа 1999 г. приговор городского суда вступил в законную силу.

82. 11 августа 1999 г. заявитель подал начальнику следственного изолятора, в котором он содержался, заявление о переводе его для отбывания наказания в административно-хозяйственную часть этого же изолятора.

83. 25 октября 1999 г. заявитель подал жалобу в порядке надзора на имя Председателя Верховного Суда Российской Федерации с просьбой о пересмотре приговора Городского суда. 11 ноября 1999 г. жалоба была отклонена.

30 ноября 1999 г. заявитель подал еще одну жалобу в порядке надзора в Верховный Суд Российской Федерации, который отклонил ее 9 июня 2000 г.

84. 24 сентября 1999 г. в ходе продолжавшегося производства по уголовному делу мера пресечения в виде содержания под стражей была изменена на подписку о невыезде. Однако заявитель продолжал находиться в заключении, отбывая назначенное ему наказание.

85. 29 сентября 1999 г. уголовное дело по остальным обвинениям было прекращено в связи с отсутствием в действиях заявителя состава преступления.

Однако 30 сентября 1999 г. против заявителя было выдвинуто новое обвинение в незаконном присвоении имущества, совершенном в период работы в должности президента банка.

86. 19 октября 1999 г. по окончании предварительного следствия соответствующий прокурор утвердил обвинительное заключение и передал дело для рассмотрения в Магаданский городской суд. Обвинительное заключение имело тот же номер, что и первоначальное уголовное дело (№ 48529), в нем было указано, что уголовное дело возбуждено 8 февраля 1995 г. Судебное разбирательство по делу заявителя началось 20 декабря 1999 г. Приговором от 31 марта 2000 г. Городской суд признал заявителя невиновным в преступлении по вновь предъявленному обвинению.

87. 26 июня 2000 г. заявитель был освобожден из мест заключения в связи с амнистией, объявленной 26 мая 2000 г.

## **ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО**

### **88. А. Конституция Российской Федерации**

Абзац второй части 6 раздела второго «Заключительные и переходные положения»:

«До приведения уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации в соответствие с положениями настоящей Конституции сохраняется прежний порядок ареста, содержания под стражей и задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления».

### **89. В. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР**

#### **Часть 1 Статьи 11. Неприкосновенность личности**

«Никто не может быть подвергнут аресту иначе как на основании судебного решения или с санкции прокурора».

#### **Часть 1 Статьи 89. Применение мер пресечения**

«При наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый скроется от дознания, предварительного следствия или суда, или воспрепятствует установлению истины по уголовному делу, или будет заниматься преступной деятельностью, а также для обеспечения исполнения приговора лицо, производящее дознание, следователь, прокурор и суд вправе применить в отношении обвиняемого одну из следующих мер пресечения: подписку о невыезде, личное поручительство или поручительство общественных организаций, заключение под стражу».

## **«Статья 92. Постановление и определение о применении меры пресечения**

О применении меры пресечения лицо, производящее дознание, следователь, прокурор выносят мотивированное постановление, а суд — мотивированное определение, содержащее указание на преступление, в котором подозревается данное лицо, и основание для избрания примененной меры пресечения. Постановление или определение объявляется лицу, в отношении которого оно вынесено, и одновременно ему разъясняется порядок обжалования применения меры пресечения.

Копия постановления или определения о применении меры пресечения немедленно вручается лицу, в отношении которого оно вынесено».

## **«Статья 96. Заключение под стражу**

Заключение под стражу в качестве меры пресечения применяется с соблюдением требований статьи 11 настоящего Кодекса по делам о преступлениях, за которые законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше одного года. В исключительных случаях эта мера пресечения может быть применена по делам о преступлениях, за которые законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы и на срок не свыше одного года».

## **«Статья 97. Сроки содержания под стражей**

Содержание под стражей при расследовании преступлений по уголовным делам не может продолжаться более двух месяцев. Этот срок может быть продлен районным, городским прокурором ... в случае невозможности закончить расследование и при отсутствии оснований для изменения меры пресечения — до трех месяцев. Дальнейшее продление срока может быть осуществлено только ввиду особой сложности дела прокурором субъекта Российской Федерации ... — до шести месяцев со дня заключения под стражу.



Продление срока содержания под стражей свыше шести месяцев допускается в исключительных случаях и только в отношении лиц, обвиняемых в совершении тяжких преступлений и особо тяжких преступлений. Такое продление осуществляется заместителем Генерального прокурора Российской Федерации — до одного года и Генеральным прокурором Российской Федерации — до полутора лет.

Дальнейшее продление срока не допускается, содержащийся под стражей обвиняемый подлежит немедленному освобождению.

Материалы оконченого расследованием уголовного дела должны быть предъявлены для ознакомления обвиняемому и его защитнику не позднее чем за месяц до истечения предельного срока содержания под стражей, установленного частью второй настоящей статьи. В случае, когда ознакомление обвиняемого и его защитника с материалами дела до истечения предельного срока содержания под стражей невозможно, Генеральный прокурор Российской Федерации, прокурор субъекта Российской Федерации ... вправе не позднее пяти суток до истечения предельного срока содержания под стражей возбудить ходатайство перед судьей областного, краевого и приравненных к ним судов о продлении этого срока.

Судья в срок не позднее пяти суток со дня получения ходатайства выносит одно из следующих постановлений:

1) о продлении срока содержания под стражей до момента окончания ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами дела и направления прокурором дела в суд, но не более чем на шесть месяцев;

2) об отказе в удовлетворении ходатайства прокурора и об освобождении лица из-под стражи.

В том же порядке срок содержания под стражей может быть продлен в случае необходимости удовлетворения ходатайства обвиняемого или его защитника о дополнении предварительного следствия.

При возвращении судом на новое расследование дела, по которому срок содержания обвиняемого под стражей истек, а по обстоятельствам дела мера пресечения в виде содержания под стражей изменена быть не может, продление срока содержания под стражей производится прокурором, осуществляющим надзор за следствием, в пределах одного месяца с момента поступления к нему дела. Дальнейшее продление указанного срока производится с учетом времени пребывания обвиняемого под стражей до направления дела в суд в порядке и пределах, установленных частями первой и второй настоящей статьи.

Продление срока содержания под стражей в соответствии с настоящей статьей является поводом для обжалования в суд содержания под стражей и судебной проверки его законности и обоснованности в порядке, предусмотренном соответственно статьями 220<sup>1</sup> и 220<sup>2</sup> настоящего Кодекса».

## **«Статья 101. Отмена или изменение меры пресечения**

Мера пресечения отменяется, когда в ней отпадает дальнейшая необходимость, или изменяется на более строгую или более мягкую, когда это вызывается обстоятельствами дела. Отмена или изменение меры пресечения производится мотивированным постановлением лица, производящего дознание, следователя или прокурора, а после передачи дела в суд — мотивированным определением суда.

Отмена или изменение лицом, производящим дознание, и следователем меры пресечения, избранной по указанию прокурора, допускается лишь с санкции прокурора».

### **«Статья 223<sup>1</sup>. Назначение судебного заседания**

Вопрос о назначении судебного заседания должен быть разрешен не позднее 14 суток с момента поступления дела в суд, если обвиняемый содержится под стражей...».

### **«Статья 239. Сроки рассмотрения дела в судебном заседании**

Дело должно быть начато рассмотрением в судебном заседании не позднее четырнадцати суток с момента вынесения судьей постановления о назначении судебного заседания».

## **90. С. Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»**

Согласно статье 21 этого Закона заявления и жалобы подозреваемых и обвиняемых, адресованные в органы государственной власти, органы местного самоуправления и общественные объединения, направляются через администрацию места содержания под стражей.

Заявления и жалобы, адресованные прокурору, в суд или иные органы государственной власти, которые имеют право контроля за местами содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых, цензуре не подлежат, и не позднее следующего за днем подачи предложения, заявления или жалобы рабочего дня направляются адресату в запечатанном пакете.

## **ОГОВОРКА, СДЕЛАННАЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ ПРИ РАТИФИКАЦИИ КОНВЕНЦИИ**

91. Документ о ратификации Конвенции, сданный на хранение Российской Федерацией 5 мая 1998 г., содержит следующую оговорку:

«Российская Федерация в соответствии со статьей 64 Конвенции заявляет, что положения пунктов 3 и 4 статьи 5 Конвенции не препятствуют применению ... санкционированного абзацем вторым пункта 6 раздела второго Конституции Российской Федерации 1993 года временного применения установленного частью 1 статьи 11, частью 1 статьи 89, статьями 90, 92, 96, 96.1, 96.2, 97, 101 и 122 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР от 27 октября 1960 г., с последующими изменениями и дополнениями порядка ареста, содержания под стражей и задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления».

## ***ПРАВО***

### **I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ**

92. Заявитель жалуется на условия его содержания в следственном изоляторе ИЗ-47/1 г. Магадана. При этом заявитель ссылается на Статью 3 Конвенции, которая устанавливает:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

Заявитель, в частности, ссылается на переполненность камеры, в которой он содержался, антисанитарные условия содержания в ней, а также на длительность срока, в течение которого он находился под стражей в таких условиях, что отрицательно сказалось на его физическом здоровье и подвергло его унижению и страданиям.

93. Власти Российской Федерации утверждали, что условия содержания под стражей заявителя не могут приравниваться к пытке или бесчеловечному либо унижающему достоинство наказанию. Условия содержания заявителя не отличались от условий содержания большинства лиц, заключенных под стражу в России, или, по крайней мере, не были хуже. Власти не имели умысла на причинение физических страданий заявителю или вреда его здоровью. Администрация следственного изолятора предприняла все возможные меры, чтобы обеспечить лиц, страдающих заболеваниями, медицинской помощью и не допустить инфекционного заражения других заключенных.

94. Власти Российской Федерации признали тот факт, что по причинам состояния экономики условия содержания лиц под стражей в России весьма неудовлетворительны и не отвечают требованиям, установленным для пенитенциарных учреждений других государств — членов Совета Европы. При этом российское государство делает все возможное, чтобы улучшить условия содержания под стражей в России. Государство приняло ряд целевых программ строительства новых следственных изоляторов и реконструкции имеющихся и программ борьбы с туберкулезом и другими инфекционными заболеваниями в местах лишения свободы. Реализация этих программ позволит вдвое увеличить

площади для заключенных и улучшить санитарные условия в следственных изоляторах.

95. Европейский Суд напомнил, что Статья 3 Конвенции закрепила один из фундаментальных идеалов демократического общества. Она в абсолютных выражениях запрещает пытку либо бесчеловечное или унижающее достоинство человека обращение или наказание вне зависимости от обстоятельств и образа действий жертвы (см., например, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лабита против Италии» (*Labita v. Italy*), жалоба № 26772/95, *ECHR* 2000-IV, § 119).

Европейский Суд также напоминает, что в соответствии с установленными им в нормах прецедентного права требованиями неправомерное обращение с человеком должно нести в себе некий минимум жестокости, чтобы на акт такого обращения распространялось действие Статьи 3 Конвенции. Оценка этого минимума относительна — она зависит от обстоятельств дела, таких как продолжительность неправомерного обращения с человеком, его физические и психические последствия для человека, а в некоторых случаях принимаются во внимание пол, возраст и состояние здоровья жертвы (среди других источников правовых требований по данному вопросу см., в частности, Постановление Европейского Суда по делу «Ирландия против Соединенного Королевства» (*Ireland v. United Kingdom*) от 18 января 1978 г., Series A, № 25, p. 65, § 162).

Европейский Суд в своей практике относил обращение с тем или иным лицом к категории «бесчеловечного», *inter alia*, в случае преднамеренного характера такого обращения, если оно имело место на протяжении нескольких часов непрерывно или если в результате этого обращения был нанесен реальный физический вред человеку либо причинены глубокие физические или психические страдания. Обращение с человеком считается «унижающим достоинство», если оно таково, что вызывает в жертвах такого обращения чувство страха, страдания и неполноценности, которые заставляют их ощущать себя униженными и попранными (см., например, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кудла против Польши» (*Kudła v. Poland*), жалоба № 30210/96, *ECHR* 2000-XI, § 92). Изучая вопрос о том, какая форма обращения с человеком является «унижающей достоинство» в значении Статьи 3 Конвенции, Европейский Суд устанавливает, было ли целью обращения унизить и попортить достоинство лица и — что касается последствий — отразилось ли такое обращение на этом лице в форме, несовместимой со Статьей 3 (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Ранинен против Финляндии» (*Raninen v. Finland*) от 16 декабря 1997 г., *Reports*, 1997-VIII, p. 2821—2822, § 55). Однако отсутствие таковой цели не исключает категорически возможности того, что Европейский Суд все-таки установит в обжалуемом деянии нарушение Статьи 3 (см., например, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Пирз против Греции» (*Peers v. Greece*), жалоба № 28524/95, *ECHR* 2001-III, § 74). Степень страдания и унижения как составляющих «унижающее достоинство» обращения,

запрещенного Статьей 3 Конвенции, должна в любом случае быть выше степени страдания или унижения как неизбежного элемента той или иной конкретной формы правомерного обращения или законного наказания.

Довольно часто меры, связанные с лишением человека свободы, включают такой элемент. И все же нельзя утверждать, что содержание под стражей до суда само по себе является проблемой в свете Статьи 3 Конвенции. Но нельзя и толковать Статью 3 Конвенции как обязывающую соответствующие власти во всех случаях освобождать из-под стражи заключенного по причине плохого здоровья или направлять его в общую больницу для прохождения конкретно предписанного курса лечения.

Тем не менее в соответствии с этой статьей государство должно принимать меры к тому, чтобы лицо содержалось под стражей в условиях, которые совместимы с уважением к человеческому достоинству. При этом формы и методы реализации этой меры пресечения не должны причинять ему лишения и страдания в более высокой степени, чем тот уровень страданий, который неизбежен при лишении свободы, а его здоровье и благополучие — с учетом практических требований режима лишения свободы — должны быть адекватно гарантированы (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Дугоз против Греции» (*Dougoz v. Greece*), жалоба № 40907/98, *ECtHR* 2001-II, § 46).

96. В связи с настоящим делом Европейский Суд отмечает, что заявитель содержался в следственном изоляторе ИЗ-47/1 г. Магадана с 29 июня 1995 г. по 20 октября 1999 г. и затем с 9 декабря 1999 г. по 26 июня 2000 г. Европейский Суд напоминает, что в соответствии с общепризнанными принципами международного права нормы Конвенции имеют обязательную силу по отношению к Высоким Договаривающимся Сторонам только применительно к фактам, которые имели место после вступления ее в силу. Конвенция вступила в силу в отношении России 5 мая 1998 г. Однако, оценивая последствия для заявителя его условий содержания под стражей, которые в целом были одинаковы на всем протяжении его заключения, как до суда, так и после его осуждения, Европейский Суд вправе рассмотреть весь период времени его нахождения под стражей, включая и время до 5 мая 1998 г.

97. Европейский Суд сразу же замечает, что площадь камеры, в которой содержался заявитель, была 17 кв. м — согласно утверждениям заявителя, или 20,8 кв. м — согласно данным властей Российской Федерации. Камера была оборудована двухъярусными спальными местами и была рассчитана на восемь заключенных. Можно усомниться в том, насколько такие условия вправе считаться отвечающими приемлемым стандартам. В этой связи Европейский Суд напоминает, что Европейский Комитет по предотвращению пыток и бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (далее — ЕКПП) принял площадь в 7 кв. м на заключенного как примерный, желательный стандарт для обустройства камер для заключенных (см. Второй

общий доклад ЕКПП. СРТ/Inf (92) 3, § 43), то есть 56 кв. м, если речь идет о восьми заключенных.

Согласно утверждениям заявителя, несмотря на то, что камера была рассчитана на восемь заключенных, обычно число заключенных в камере в период его пребывания там колебалось от 18 до 24 человек. В своем ходатайстве об освобождении из-под стражи от 27 декабря 1996 г. заявитель указывал, что в камере, оборудованной восьмью спальными местами, находился 21 человек. В аналогичном ходатайстве от 8 июня 1999 г. он указывал, что в камере находилось 18 заключенных (см. выше § 43 и 73).

Европейский Суд отмечает, что власти Российской Федерации со своей стороны признали, что ввиду общей переполненности данного следственного изолятора сверх нормы, каждое спальное место в камерах использовалось двумя или тремя заключенными. Вместе с тем власти Российской Федерации, похоже, не согласились с заявителем относительно числа заключенных, содержащихся в его камере. По утверждениям властей Российской Федерации, в камере, где содержался заявитель, находилось 11 или более заключенных на каждый данный момент, а обычно число заключенных в ней было 14. Однако власти Российской Федерации не представили никаких доказательств в подтверждение приведенных ими данных. Согласно утверждению заявителя, число заключенных в камере было сокращено до 11 человек лишь в марте-апреле 2000 года.

Европейский Суд не видит для себя необходимости разрешать разногласие между властями Российской Федерации и заявителем на сей счет. Представленные сведения свидетельствуют, что на каждый данный отрезок времени на каждого заключенного в камере, где содержался заявитель, приходилось 0,9—1,9 кв. м площади. Таким образом, по мнению Европейского Суда, камера была постоянно сильно переполнена сверх нормы. Такое положение дел само по себе поднимает вопрос в силу Статьи 3 Конвенции.

Более того, из-за хронической переполненности заключенные в камере, где содержался заявитель, вынуждены были спать на койках по очереди, сменами по восемь часов. Из ходатайства заявителя об освобождении из-под стражи, поданного 16 июня 1999 г., следует, что в тот период он использовал спальное место для сна посменно с двумя другими заключенными (см. выше § 74). Ненормальные условия сна усугублялись тем, что свет в камере был постоянно включен; они также усугублялись общей суетой и шумом в камере из-за большого числа находящихся в ней заключенных.

Лишение сна в результате действия этих факторов должно было стать тяжелым физическим и психологическим грузом для заявителя.

Европейский Суд далее замечает, что в камере, где содержался заявитель, не было надлежащей вентиляции, при том, что в ней находилось чересчур много заключенных, которым явно позволялось курить в камере.

Хотя заявителю были разрешены прогулки на один или два часа, оставшуюся часть суток он проводил в камере, имея для себя ограниченное пространство и находясь в спертной атмосфере.

98. Европейский Суд далее отмечает, что камера, где содержался заявитель, кишела насекомыми и что в период его заключения в камере не проводилось никаких мероприятий по уничтожению насекомых. Власти Российской Федерации признали, что распространение насекомых в следственных изоляторах является большой проблемой, и сослались на Руководство МВД СССР 1989 года, предписывающее проведение в местах заключения дезинфекционных мероприятий. Однако не усматривается, что в камере заявителя проводились такого рода мероприятия.

За время его содержания под стражей у заявителя возникли различные кожные заболевания и грибковые инфекции, в частности в 1996, 1997 и 1999 годах, что вызвало необходимость объявлять перерывы в судебном разбирательстве по делу заявителя. Хотя остается фактом, что заявителю оказывалась медицинская помощь для лечения этих заболеваний, их рецидив свидетельствует, что крайне убогие условия содержания в камере, способствовавшие распространению заболеваний, оставались неизменными.

С большой озабоченностью Европейский Суд отмечает также, что иногда заявитель находился в камере вместе с лицами, болеющими сифилисом и туберкулезом, хотя власти Российской Федерации подчеркивали, что передача этих заболеваний была исключена ввиду проводившихся профилактических мер.

99. Тесноту и антисанитарию, описанную выше, дополняло устройство туалета в камере. Перегородка высотой 1,1 м отделяла унитаз, расположенный в углу камеры, от умывальника, но не от жилой ее части. При входе в ту часть камеры, где находится туалет, нет никакой ширмы. Заявитель тем самым был вынужден пользоваться туалетом на виду у других заключенных и присутствовать при пользовании им сокамерниками. Фотографии, представленные Европейскому Суду властями Российской Федерации, являют зрелище грязной запущенной камеры с пространством, отведенным под туалет, не оставляющим человеку никакой приватности.

В то время как Европейский Суд с удовлетворением отмечает крупные положительные изменения, произошедшие в следственном изоляторе г. Магадана, где находится камера заявителя (как было продемонстрировано на видеоролике, представленном Европейскому Суду властями Российской Федерации), это не может отвлечь внимание от совершенно неприемлемых условий содержания, которые вынужден был терпеть заявитель в исследуемый Европейским Судом период времени.

100. Условия содержания заявителя под стражей были также предметом озабоченности суда первой инстанции, рассматривавшего его уголовное дело. В апреле и июне 1999 года этот суд затребовал заключение медицинской экспертной комиссии о влиянии условий содержания под стражей на физическое и

психическое здоровье заявителя после почти четырех лет заключения с тем, чтобы установить, позволяло ли ему состояние здоровья участвовать в судебном разбирательстве и не следовало ли его госпитализировать (см. выше § 71 и 76). И хотя эксперты дали отрицательный ответ на оба вопроса, Европейский Суд принимает к сведению заключение экспертов, датированное июлем 1999 года, в котором перечисляются все медицинские показатели, имевшиеся у заявителя, то есть нейроциркуляторная дистония, астеноневротический синдром, хронический гастродуоденит, грибковые инфекционные заболевания на ногах, руках и в паховой области, а также микоз (см. выше § 30).

101. Европейский Суд приемлет утверждение об отсутствии в настоящем деле признаков того, что наличествовал умысел на унижение человеческого достоинства и попрание личности заявителя. Тем не менее, хотя вопрос о том, было ли целью обращения с лицом унижение человеческого достоинства и попрание личности жертвы, является фактором, который надлежит принимать во внимание, отсутствие любой таковой цели не может исключить вывод о наличии нарушения Статьи 3 Конвенции см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Пирз против Греции»). Европейский Суд полагает, что условия содержания под стражей, которые заявитель вынужден был терпеть на протяжении примерно четырех лет и десяти месяцев, должны были причинить ему физические страдания, унижить его человеческое достоинство и породить в нем такие чувства, которые ведут к унижению и попранию личности.

102. В свете вышесказанного Европейский Суд установил, что условия содержания заявителя под стражей, в частности чрезмерная переполненность камеры, антисанитарная обстановка в ней и вредные для здоровья и благополучия заявителя последствия этой обстановки в сочетании с длительностью срока содержания заявителя в таковых условиях, приравниваются к унижающему достоинство обращению.

103. Соответственно, нарушение Статьи 3 Конвенции имело место.

## II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 3 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

104. Заявитель жаловался на то, что его длительное содержание под стражей до суда составляло нарушение пункта 3 Статьи 5 Конвенции, который устанавливает следующее:

«Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом (с) пункта 1 настоящей статьи ... имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд».



## **А. Предварительные возражения властей Российской Федерации**

105. Власти Российской Федерации утверждали, что жалоба заявителя должна быть рассмотрена в свете российской оговорки, сделанной при ратификации Конвенции. По мнению властей Российской Федерации, оговорка распространялась как на период содержания заявителя под стражей на стадии предварительного следствия, так и на период производства по делу в суде. Власти Российской Федерации ссылались на текст оговорки и содержание статей Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, указанных в оговорке. В частности, статьи 11, 89, 92 и 101 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР (см. выше § 89) наделяли суд правом применять меру пресечения в виде заключения под стражу на стадии судебного разбирательства вплоть до постановления приговора по делу.

106. Заявитель утверждал, что российская оговорка неприменима к настоящему делу, поскольку в сферу действия оговорки не входит продолжительность содержания под стражей до суда. Заявитель настаивал на том, что цель оговорки состояла в сохранении за прокурором права санкционировать меру пресечения в виде заключения под стражу и в случаях необходимости продлевать сроки содержания под стражей.

107. Европейский Суд отмечает, что оговорка составлена с целью временного исключения из сферы действия пункта 3 Статьи 5 Конвенции некоторых норм Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, упомянутых в тексте оговорки, которые касаются порядка ареста, содержания под стражей и задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления. Эти нормы устанавливают условия и порядок применения мер пресечения, включая заключение под стражу, и перечень органов власти, уполномоченных принимать соответствующее решение.

Европейский Суд замечает, что в оговорке сделана ссылка на статью 97 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, в силу которой лицо может на основании постановления прокурора содержаться под стражей до 18 месяцев на период расследования преступления.

Несмотря на упоминание сроков содержания под стражей в период предварительного следствия, Европейский Суд обращает внимание на то, что предметом оговорки является порядок применения мер пресечения в виде заключения под стражу, в то время как предметом жалобы заявителя является длительность его содержания под стражей до суда, а не законность избрания этой меры пресечения.

108. Европейский Суд посему установил, что рассматриваемая оговорка по настоящему делу неприменима.

## **В. Существо жалобы**

1. Период времени, принимаемый во внимание при рассмотрении дела

109. В ходе рассмотрения дела не оспаривалось, что датой начала периода времени, принимаемого во внимание, является 29 июня 1995 г., когда в отношении заявителя была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу.

Что же касается окончания этого периода, то согласно утверждению заявителя соответствующей датой является 31 марта 2000 г., когда Магаданский городской суд постановил свой второй приговор по делу. Власти Российской Федерации утверждают, что этот период завершился 3 августа 1999 г. постановлением Магаданского городского суда первого приговора по делу. Власти Российской Федерации настаивают также на том, чтобы исследование Европейским Судом длительности предварительного заключения заявителя ограничивалось бы периодом, начавшимся 5 мая 1998 г., то есть в день, когда Конвенция вступила в силу для Российской Федерации, и завершившимся 3 августа 1999 г.

110. Европейский Суд, прежде всего, напоминает, что при установлении продолжительности содержания под стражей до суда в контексте пункта 3 Статьи 5 Конвенции отсчет периода времени, который надлежит принимать во внимание, начинается в тот день, когда обвиняемый был заключен под стражу, и заканчивается этот период в тот день, когда определяется виновность обвиняемого, даже если таковое решение принимается судом первой инстанции (среди других источников правовых требований по данному вопросу см., в частности, Постановление Европейского Суда по делу «Вемхофф против Федеративной Республики Германии» (*Wemhoff v. Germany*) от 27 июня 1968 г., Series A, № 7, р. 23, § 9 и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лабита против Италии», § 147). Таким образом, по настоящему делу отсчет срока содержания заявителя под стражей до суда начался 29 июня 1995 г., в день, когда он был арестован, и закончился 3 августа 1999 г., в день, когда по его делу Магаданским городским судом был вынесен обвинительный приговор. Дальнейшее содержание под стражей, продолжавшееся и после указанной даты в связи с обвинениями, не учтенными при постановлении приговора, не влияет на то обстоятельство, что с 3 августа 1999 г. заявитель отбывал наказание по приговору суда надлежащей юрисдикции в значении подпункта (а) пункта 1 Статьи 5 Конвенции.

Всего же заявитель пробыл в предварительном заключении четыре года, один месяц и четыре дня.

111. Поскольку период до 5 мая 1998 г. не подпадает под юрисдикцию Европейского Суда с учетом условия *ratione temporis*, Европейский Суд может принять во внимание только период в один год, два месяца и двадцать девять дней, который прошел между указанной датой и датой постановления Магаданским городским судом приговора от 3 августа 1999 г. Однако Европейский Суд должен учесть тот факт, что к 5 мая 1998 г. заявитель, заключенный под стражу 29 июня 1995 г., уже находился под стражей два года,

десять месяцев и шесть дней (см., например, *mutatis mutandis*, Постановление Европейского Суда по делу «Мансур против Турции» (*Mansur v. Turkey*) от 8 июня 1995 г., Series A, № 319-B, p. 19, § 51).

## 2. Разумность срока содержания под стражей

### (а) Доводы сторон, представленные Европейскому Суду

112. Заявитель утверждает, что не было необходимости заключать его под стражу и содержать в заключении в течение длительного срока, поскольку доказательств того, что он пытается воспрепятствовать установлению истины по делу, не имелось. Доводы, которые приводили власти, занимавшиеся делом, для обоснования содержания его под стражей, не относились к сути вопроса либо были недостаточными.

Заявитель утверждает также, что его дело не отличалось особой сложностью, как это было установлено Магаданским областным судом 15 марта 1999 г. Три тома из девяти целиком состоят из его жалоб в адрес различных инстанций. В ходе расследования было допрошено 29 свидетелей; кроме того, в деле участвовали два гражданских истца.

Наконец, заявитель утверждает, что производство по делу осуществлялось без должной тщательности со стороны властей. Столь длительный срок содержания его под стражей был вызван низким качеством следствия, необоснованными попытками следственных органов увеличить число пунктов обвинения в обвинительном заключении и отсутствием должного контроля над следствием со стороны надзирающих инстанций. В этой связи заявитель ссылается на выводы Магаданского городского суда от 3 августа 1999 г. (см. выше § 80).

113. Власти Российской Федерации указывают, что заявитель был арестован на том основании, что он препятствовал установлению истины в ходе расследования по уголовному делу. Власти Российской Федерации далее оценивают период содержания заявителя под стражей во время предварительного следствия как разумно обоснованный с учетом сложности дела, значительного объема материалов дела (девять томов), большого числа участвующих в деле свидетелей и потерпевших.

### (b) Оценка Европейского Суда

(i) Принципы, установленные в нормах прецедентного права Европейского Суда

114. Европейский Суд напоминает, что оценка разумности срока предварительного заключения не может быть дана абстрактно. Вопрос о

разумности содержания того или иного обвиняемого под стражей должен быть исследован по каждому делу с учетом его особенностей. Более длительное содержание под стражей может быть обосновано в каждом конкретном случае только при условии, что имеются конкретные признаки подлинной необходимости ограждения интересов общества, которая, несмотря на презумпцию невиновности, перевешивает принцип уважения свободы личности, записанный в Статье 5 Конвенции (среди других источников правовых требований по данному вопросу см., в частности, упоминавшееся выше в § 110 Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кудла против Польши»).

В первую очередь обязанность гарантировать, чтобы по конкретному делу срок предварительного заключения обвиняемого не превышал разумных пределов, лежит на национальных судебных властях. Во исполнение этой обязанности судебные власти должны — отдавая должное принципу презумпции невиновности — исследовать все аргументы за и против необходимости ограждения интересов общества, которая оправдывала бы отступление от требований Статьи 5 Конвенции. При этом такие аргументы должны быть изложены в принимаемых судебными властями решениях по ходатайствам об освобождении. По существу, именно на основе мотивировок, излагаемых в этих решениях, и любых документально подтвержденных фактов, представленных заявителем в своих жалобах, суд призван решить, имело ли место нарушение пункта 3 Статьи 5 Конвенции (см., например, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лабита против Италии», §152).

Наличие разумно обоснованного подозрения, что задержанное лицо совершило преступление, является условием *sine qua non* законного длящегося содержания под стражей. Но по истечении определенного времени такого подозрения уже недостаточно. Поэтому Европейский Суд должен установить, имелись ли иные основания для лишения свободы, далее выдвигаемые судебными властями. В случаях, когда такие основания были «относящимися к существу вопроса» и «достаточными», Европейский Суд должен также убедиться, что национальные власти проявили «должное тщание» в производстве по делу. Сложность и особенности конкретного расследования являются факторами, подлежащими исследованию в этом отношении (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Скотт против Испании» (Scott v. Spain) от 18 декабря 1996 г., *Reports* 1996-VI, p. 2399—2400, § 74, а также Постановление Европейского Суда по делу «I.A. против Франции» (I.A. v. France) от 28 сентября 1998 г., *Reports* 1998-VII, p. 2978, § 102).

(ii) Применение вышеизложенных принципов по настоящему делу

(α) Основания для применения меры пресечения в виде содержания под стражей

115. В период времени, на который распространяется юрисдикция Европейского Суда с учетом условия *ratione temporis*, Магаданский городской суд мотивировал свой отказ заявителю в освобождении из-под стражи тяжестью предъявленных обвинений и опасениями по поводу того, что в случае освобождения из-под стражи он будет препятствовать установлению истины по делу (см. выше § 69). Европейский Суд отмечает, что аналогичные мотивировки использовались городским судом и ранее — 27 декабря 1996 г. и 8 августа 1997 г. — для обоснования продолжающегося предварительного заключения заявителя (см. выше § 43 и 46).

Европейский Суд далее отмечает, что основной причиной принятия 29 июня 1995 г. решения о заключении заявителя под стражу было утверждение о том, что он препятствовал проведению расследования по делу, отказываясь представить определенные банковские документы, необходимые следствию, оказывал давление на свидетелей и, предположительно, занимался фальсификацией доказательств. Решение также указывало на тяжесть предъявленных ему обвинений.

116. Европейский Суд напоминает, что наличие сильного подозрения в том, что какое-либо лицо совершило тяжкие преступления, является, конечно, относящимся к сути вопроса фактором, однако само по себе такое подозрение не может оправдать длительный период предварительного заключения (см., например, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Скотт против Испании», р. 2401, § 78). Что же касается другого основания для продления срока содержания заявителя под стражей, которым руководствовался Магаданский городской суд, а именно — опасениями по поводу того, что в случае освобождения из-под стражи он будет препятствовать рассмотрению дела, то Европейский Суд отмечает, что в отличие от постановления следователя от 29 июня 1995 г. Магаданский городской суд не привел в своем решении никаких фактических обстоятельств в подтверждение своих выводов, в то время как эти обстоятельства были неизменны и в 1996 году, и в 1997 году, и в 1999 году. В постановлениях этого суда нет никаких указаний на какие-либо факторы, способные продемонстрировать обоснованность опасений относительно возможных действий заявителя в исследуемый период времени.

117. Европейский Суд приемлет тот аргумент, что опасения в воспрепятствовании следствию вкупе с подозрениями, что заявитель совершил преступления, в которых он был обвинен, могли первоначально быть достаточным основанием для санкционирования заключения заявителя под стражу. Однако по мере того, как производство по делу продвигалось вперед и собирание доказательств завершилось, такие основания для предварительного заключения утратили свою значимость.

118. Суммируя изложенное, Европейский Суд находит, что основания, которыми руководствовались власти при избрании в отношении заявителя меры

пресечения в виде содержания под стражей, первоначально являясь относящимися к сути вопроса и достаточными, с течением времени утратили эти характеристики.

#### (β) Порядок производства по делу

119. Что касается продолжительности уголовного расследования, Европейский Суд отмечает выводы национальных судов, что дело не отличалось особой сложностью и что качество расследования по делу было низким, что способствовало проволочкам в производстве по делу (см. выше § 69 и 80). Европейский Суд не видит причин прийти к иному заключению. Европейский Суд также замечает, что — согласно выводам национальных судов — следователи пытались необоснованно увеличить число пунктов обвинения в обвинительном заключении (см. выше § 80). Это неприглядное обстоятельство подтверждается тем фактом, что только один из девяти пунктов обвинения был признан обоснованным приговором Магаданского городского суда от 3 августа 1999 г.

120. Что касается дальнейшего производства по делу в суде, то Европейский Суд замечает, что в производстве по делу в Магаданском городском суде имели место существенные проволочки. Рассмотрение дела по существу, которое должно было начаться 11 ноября 1996 г., было 7 мая 1997 г. приостановлено в связи с отстранением от занимаемой должности председательствующего судьи. Рассмотрение дела не возобновлялось до 15 апреля 1999 г., хотя определенные процессуальные действия предпринимались в июле-августе 1997 года (назначение нового судьи и назначение даты судебного заседания), мае и июле 1998 года (передача дела для рассмотрения в другой суд), ноябре 1998 года (назначение даты судебного заседания), январе и марте 1998 года (решения о необходимости направления дела на дополнительное расследование).

И хотя остается неоспоримым фактом, что заседание суда, назначенное на 8 августа 1997 г., было вынужденно отложено ввиду неявки адвоката заявителя, а заявитель возражал против передачи дела для рассмотрения в другой суд (шаг, продиктованный желанием ускорить производство по делу), Европейский Суд не находит, что своими действиями заявитель заметно способствовал затягиванию производства по делу в период между двумя рассмотрениями дела по существу, когда производство не продвигалось вперед.

Тем самым очевидно, что затяжное производство по делу нельзя объяснять ни сложностью дела, ни действиями заявителя. С учетом характеристик, данных расследованию по делу, и существенных проволочек с рассмотрением дела в суде Европейский Суд полагает, что власти по данному делу не проявили должной расторопности.

#### (γ) Вывод

121. Исходя из вышеизложенного, Европейский Суд приходит к выводу, что время, проведенное заявителем в предварительном заключении, превышает «разумный срок». Тем самым нарушение пункта 3 Статьи 5 Конвенции имело место.

### **III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ**

122. Заявитель жалуется на то, что уголовные обвинения не были предъявлены ему в течение разумного срока, как это требуется пунктом 1 Статьи 6 Конвенции, который в части, касающейся данного дела, гласит:

«Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона».

#### **А. Период времени, принимаемый во внимание при рассмотрении дела**

123. Заявитель утверждает, что период времени, который надлежит принимать во внимание при рассмотрении дела, начался 8 февраля 1995 г., с момента возбуждения в отношении него уголовного дела, а завершился 31 марта 2000 г., в день, когда Магаданский городской суд постановил второй приговор по его делу.

Власти Российской Федерации настаивают на том, чтобы отсчет велся со дня передачи дела по обвинению заявителя в Магаданский городской суд 6 февраля 1996 г., а заканчивался в день провозглашения этим судом первого приговора по делу — 3 августа 1999 г.

124. Европейский Суд напоминает, что при определении продолжительности производства по уголовному делу надлежит учитывать срок с момента предъявления данному лицу «обвинения» в самостоятельном и существенном значении данного термина (среди других источников правовых требований по данному вопросу см., в частности, Постановление Европейского Суда по делу «Корильяно против Италии» (Corigliano v. Italy) от 10 декабря 1982 г., Series A, № 57, p. 13, § 34 и Постановление Европейского Суда по делу «Имбриоса против Швейцарии» (Imbriosa v. Switzerland) от 24 ноября 1993 г., Series A, №275, p. 13, § 36).

Таким образом, в настоящем деле подлежит учету срок с 8 февраля 1995 г., то есть с момента, когда заявитель стал подозреваемым в деле по обвинению в незаконном присвоении чужих средств. Что же касается окончания этого периода, то Европейский Суд отмечает, что после принятия решения от 29 сентября 1999 г. об отказе от обвинений, не учтенных при вынесении приговора, после того, как

городским судом был вынесен приговор от 3 августа 1999 г., 30 сентября 1999 г. в отношении заявителя было выдвинуто новое обвинение, причем на основании прежних фактов. Европейский Суд отмечает, что новое обвинение фигурировало в первоначальном уголовном деле № 48529, возбужденном 8 сентября 1995 г. Ввиду этих обстоятельств, а также с учетом времени предъявления нового обвинения, Европейский Суд пришел к выводу, что днем окончания подлежащего учету периода является 31 марта 2000 г., день вынесения городским судом приговора по последнему обвинению.

Исследуемый период, то есть период с 8 февраля 1995 г. по 31 марта 2000 г., в общей сложности составил пять лет, один месяц и 23 дня. И хотя юрисдикция Европейского Суда с учетом условия *ratione temporis* охватывает лишь период времени после 5 мая 1998 г., то есть со дня вступления Конвенции в силу в отношении России, Европейский Суд вправе принять во внимание состояние производства по делу на тот день (среди других источников правовых требований по данному вопросу см., *mutatis mutandis*, Постановление Европейского Суда по делу «Ягчи и Саргин против Турции» (Yagci and Sargin v. Turkey) от 8 июня 1995 г., Series A, № 319-A, p. 16, §40).

## **В. Разумность продолжительности производства по делу**

125. Европейский Суд напоминает, что разумность продолжительности производства по делу надлежит оценивать в свете конкретных обстоятельств дела с учетом критериев, изложенных в нормах прецедентного права, создаваемых Европейским Судом. В частности, надлежит учитывать сложность дела, действия заявителя и действия компетентных властей. В последнем случае необходимо также принимать во внимание и то, что для заявителя является важным в деле (среди других источников правовых требований по данному вопросу см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кудла против Польши», § 124).

### **1. Позиции сторон**

126. Что касается сложности дела, то заявитель ссылается на выводы Магаданского областного суда от 15 марта 1999 г., о том, что данное дело не представляло особой сложности и длительные задержки в рассмотрении дела были необоснованны.

В отношении его собственных действий заявитель утверждает, что его жалобы были направлены на ускорение производства по делу. Кроме того, положения Статьи 6 Конвенции не требуют от него активного содействия судебной власти, а его попытки воспользоваться средствами правовой защиты не могут служить основанием для предъявления ему претензий.



Что касается действий властей, занимавшихся его делом, то заявитель ссылается на низкое качество предварительного следствия и на недостатки, допущенные при производстве следствия, как установлено Магаданским городским судом 3 августа 1999 г. Кроме того, городской суд и сам нарушил нормы национального процессуального законодательства, не обеспечив соблюдение сроков начала судебного разбирательства, установленных статьями 223<sup>1</sup> и 239 Уголовно-процессуального кодекса. Заявитель отмечает, что в судебном заседании судом были допрошены лишь девять свидетелей. Он также ссылается на факт отстранения судьи от рассмотрения его дела, что не имело никакого отношения к заявителю, и на факт передачи его дела в Хасынский районный суд, что оказалось недейственным в смысле ускорения производства по делу.

127. Власти Российской Федерации признают, что рассмотрение дела заявителя заняло длительный период времени, но утверждают, что этот период не был неразумно долгим. Власти Российской Федерации настаивают, что столь длительный срок рассмотрения дела заявителя был вызван особой сложностью и объемом дела, а также необходимостью проведения всестороннего и полного расследования дела.

Более того, заявитель сам способствовал увеличению продолжительности производства по делу путем подачи многочисленных жалоб, включая повторные обращения с ходатайствами, которые ранее были отклонены. Власти Российской Федерации ссылаются в этой связи на выводы Магаданского городского суда от 15 июля 1999 г. и от 22 июля 1999 г., где в многочисленных просьбах, поданных со стороны заявителя в период судебного рассмотрения его дела, усматривается попытка намеренного затягивания производства по делу. Ходатайства заявителя о передаче его дела в другой суд в период между судебными заседаниями также приводили к затягиванию производства. Власти Российской Федерации указывают, что 30 процентов материалов дела составляют жалобы и ходатайства заявителя.

Власти Российской Федерации также указывают, что срок предварительного заключения заявителя был засчитан в срок отбывания наказания по вынесенному ему приговору. Поэтому срок содержания заявителя под стражей до суда никак не повлиял на длительность общего срока его заключения.

Наконец, власти Российской Федерации заявляют, что соответствующие органы власти проявили гуманность по отношению к заявителю, объявив амнистию, в результате чего он был освобожден из заключения до истечения срока наказания, несмотря на то, что он не возместил ущерб, нанесенный им банку и его многочисленным клиентам.

## 2. Оценка Европейского Суда

### (а) Сложность дела

128. Европейский Суд отмечает, что исследуемое уголовное дело, по которому заявитель был единственным обвиняемым, касалось финансовых преступлений; в деле фигурировало значительное число доказательств, и проходил ряд свидетелей. Европейский Суд, однако, замечает, что в период с 7 мая 1997 г., когда разбирательство дела было отложено, и по 15 апреля 1999 г., когда разбирательство дела было возобновлено, никаких следственных действий не проводилось.

Европейский Суд учитывает вывод национального суда, что дело не представляло особой сложности, чтобы этим можно было оправдать проволочки в производстве (см. выше § 69).

Таким образом, продолжительность производства по делу нельзя объяснять сложностью дела или потребностями предварительного следствия.

### **(b) Действия заявителя**

129. Европейский Суд отмечает, что в ходе производства по делу заявителя в национальных судах он заявлял многочисленные ходатайства в связи с делом как во время судебного разбирательства, так и в промежутке между слушаниями дела. Европейский Суд напоминает, что Статья 6 Конвенции не требует от лица, привлеченного к уголовной ответственности, активно содействовать судебным властям (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Доббертен против Франции» (*Dobbertin v. France*) от 25 февраля 1993 г., Series A, № 256-C, p. 117, § 43).

Европейский Суд замечает, что суд первой инстанции отклонил заявленные во время судебного разбирательства 15 апреля 1999 г. ходатайства заявителя как направленные на воспрепятствование рассмотрению дела. Однако нет признаков того, что в периоды других разбирательств, то есть с 11 ноября 1996 г. по 7 мая 1997 г. и с 20 декабря 1999 г. по 31 марта 2000 г., действия заявителя можно было бы охарактеризовать как направленные на затягивание производства по делу.

Что же касается ходатайств заявителя в период между слушаниями дела, то Европейский Суд замечает, что они относились главным образом к вопросу о затягивании судом первой инстанции рассмотрения его дела. Европейский Суд не может сделать вывод, что эти ходатайства способствовали замедлению производства по делу, в особенности ввиду того обстоятельства, что по этим ходатайствам никаких действий не предпринималось. И если нет сомнений в том, что в целях ускорения производства дело заявителя было передано для рассмотрения в другой суд, заявителя нельзя обвинять в том, что он возражал против этого, тем более что передача дела не имела положительных результатов в смысле ускорения производства.

Европейский Суд замечает также, что один раз, 8 августа 1997 г., слушание дела было отложено ввиду неявки адвоката заявителя.

130. Европейский Суд полагает, что хотя заявитель и ответствен за некоторые проволочки в производстве по делу, в целом его действия не способствовали существенным образом затягиванию производства.

### **(с) Действия национальных властей**

131. Как уже упоминалось выше, в производстве по делу были значительные проволочки, которые нельзя объяснить сложностью дела или действиями заявителя. В частности, дело, находясь в производстве суда первой инстанции, оставалось фактически без движения почти два года, то есть с 7 мая 1997 г. по 15 апреля 1999 г.

132. Европейский Суд отмечает, что на протяжении всего производства по делу заявитель содержался под стражей. Это обстоятельство обязывало суды, занимавшиеся делом, приложить особые усилия к тому, чтобы правосудие отправлялось быстро.

133. Европейский Суд также отмечает, что после постановления приговора Магаданским городским судом 3 августа 1999 г. и принятия решения от 29 сентября 1999 г. об отказе от обвинений, не учтенных при вынесении приговора, в отношении заявителя было выдвинуто новое обвинение на основании прежних фактов, что еще более способствовало затягиванию производства, которое к тому моменту в суде первой инстанции уже тянулось более четырех с половиной лет.

134. Европейский Суд полагает, что власти, занимавшиеся делом, не исполнили свою обязанность проявлять особую тщательность при производстве по уголовному делу, в особенности после вступления в силу Конвенции 5 мая 1998 г.

## **5. Вывод**

135. С учетом вышеизложенного Европейский Суд считает, что продолжительность производства по делу не отвечает требованию о «разумном сроке». Соответственно, нарушение пункта 1 Статьи 6 Конвенции имело место.

## **IV. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ**

136. Статья 41 Конвенции устанавливает:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию, потерпевшей стороне».

## **А. Материальный ущерб**

137. Заявитель предъявил требования о возмещении материального ущерба по следующим позициям:

(1) 130 599 долларов США в возмещение потери заработка как президента Северо-Восточного акционерного банка за период его содержания под стражей с июля 1995 года по 20 апреля 2000 г.;

(2) 203 000 долларов США в возмещение потери заработка в другой компании, которая уволила его ввиду ареста;

(3) 500 000 долларов США в возмещение утраты имущества компании после его ареста;

(4) 8600 долларов США в возмещение утраты его автомобиля;

(5) 11 734 376 долларов США в возмещение потери доходов от акций, которые он не мог продать по рыночной стоимости в 1995 году;

(6) 436 226 долларов США в возмещение утраты его контрольного пакета акций в предприятии, объявленном банкротом в 1997 году.

Заявитель предъявляет требования о возмещении материального ущерба на общую сумму в 13 012 702 доллара США.

138. Власти Российской Федерации оспаривают эти требования.

139. Европейский Суд напоминает, что он присудит денежную компенсацию в соответствии со Статьей 41 Конвенции только в случае, если убедится полностью, что заявляемые потери и ущерб были действительно следствием установленного им нарушения Конвенции.

Что касается требования по пункту (1), то Европейский Суд замечает, что заявитель был осужден и что время его предварительного заключения было целиком зачтено в срок назначенного ему наказания. Посему Европейский Суд полагает, что данное требование не подлежит удовлетворению.

Что касается остальных требований, то Европейский Суд полагает, что не было установлено прямой причинной связи между заявленным ущербом и нарушениями Конвенции, установленными Европейским Судом.

Посему Европейский Суд отклоняет требования заявителя, предъявленные по вопросу о возмещении материального ущерба.

## **В. Моральный вред**

140. Заявитель предъявил требования о выплате ему 9 636 000 французских франков в виде возмещения морального ущерба.

141. Позиция властей Российской Федерации, изложенная Европейскому Суду, состоит в том, что сумма требований заявителя чрезмерна и что само признание факта нарушения его прав было бы достаточным справедливым удовлетворением требований заявителя.

142. Европейский Суд полагает, что длительность содержания заявителя под стражей в ненадлежащих условиях заключения, равно как и длительность производства по уголовному делу должны были вызвать у него чувства отчаяния, неопределенности и тревоги, которые не могут быть компенсированы исключительно признанием факта нарушения его прав.

143. Принимая решение на основе принципов справедливости, Европейский Суд присуждает заявителю возмещение морального вреда в размере 5000 евро.

### **С. Судебные расходы и издержки**

144. Заявитель сообщил Европейскому Суду, что его расходы на услуги адвоката на период производства по делу составили примерно 40 000 долларов США.

145. Власти Российской Федерации полагают, что эти требования необоснованны, сумма их чрезмерна с учетом размеров адвокатских гонораров, существовавших в отдаленной Магаданской области в исследуемый период времени. Власти Российской Федерации поставили далее под сомнение подлинность некоторых документов, представленных в этой связи заявителем. Власти Российской Федерации также утверждают, что расходы заявителя на юридическую помощь, понесенные им в период производства по делу, вообще не должны компенсироваться Европейским Судом, поскольку заявитель был признан судом виновным в совершении преступления и осужден к лишению свободы.

146. Европейский Суд напоминает, что для включения судебных издержек и расходов заявителя в сумму возмещения ущерба, присуждаемую в порядке Статьи 41 Конвенции, должно быть установлено, что эти издержки и расходы действительно и неизбежно имели место в связи с обращением к средствам правовой защиты по факту, который был признан нарушением Конвенции, и что их сумма была разумна (см., например, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Нильсен и Йонсон против Норвегии» (*Nielsen and Johnson v. Norway*), жалоба № 23118/93, *ECHR* 1999-VIII, § 43). Из представленных заявителем материалов очевидно, что издержки и расходы на юридическую помощь имели место в связи с его попытками добиться освобождения из-под стражи под залог. Однако он представил лишь частичное документальное обоснование искомой им суммы. При этом имевшие место расходы не связаны исключительно с нарушениями Статьи 3, пункта 3 Статьи 5 и пункта 1 Статьи 6 Конвенции.

Производя оценку на основе принципов справедливости, Европейский Суд полагает разумным присудить заявителю по вопросу о судебных расходах и издержках денежную сумму в размере 3000 евро.

### **Д. Процентная ставка при просрочке платежей**

147. Европейский Суд считает, что размер пени по выплате компенсации должен быть установлен в размере предельной годовой процентной ставки по займам Европейского центрального банка плюс три процента.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД ЕДИНОГЛАСНО:

- 1) *постановил*, что имело место нарушение Статьи 3 Конвенции;
- 2) *постановил*, что имело место нарушение пункта 3 Статьи 5 Конвенции;
- 3) *постановил*, что имело место нарушение пункта 1 Статьи 6 Конвенции;
- 4) *постановил*:
  - (a) что государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления Постановления в законную силу в соответствии с пунктом 2 Статьи 44 Конвенции выплатить заявителю следующие суммы, подлежащие переводу в российские рубли по курсу на день выплаты:
    - (i) 5000 евро (пять тысяч евро) в возмещение морального вреда;
    - (ii) 3000 евро (три тысячи евро) в возмещение судебных расходов и издержек;
    - (iii) любой налог, начисляемый на вышеуказанные суммы;
  - (b) что простые проценты по предельным годовым ставкам по займам Европейского центрального банка плюс три процента подлежат выплате по истечении вышеупомянутых трех месяцев и до момента выплаты;
- 5) *отклонил* остальные требования заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, и уведомление о Постановлении направлено в письменном виде 15 июля 2002 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента.

*Салли ДОЛЛЕ*                      *Жан-Поль КОСТА*  
Секретарь Секции Суда    Председатель Палаты Суда

В соответствии с пунктом 2 Статьи 45 Конвенции и пунктом 2 Правила 74 Регламента к настоящему Постановлению прилагается отдельное совпадающее мнение судьи А. Ковлера.

*ОТДЕЛЬНОЕ СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ А. КОВЛЕРА*

В целом я разделяю мнение своих коллег, высказанное по настоящему делу. Но при этом, учитывая правовую значимость Постановления Европейского Суда, я полагаю необходимым высказать некоторые замечания.

1. Оговорка, сделанная Россией в отношении пунктов 3 и 4 Статьи 5 Конвенции, касается применения определенных норм Уголовно-процессуального

кодекса РСФСР от 27 октября 1960 г. (далее — УПК) с последующими изменениями относительно порядка содержания под стражей до суда. Эта оговорка распространяется и на статью 97 УПК «Сроки содержания под стражей», упомянутую в оговорке наряду с другими нормами УПК. Ввиду этого обстоятельства я нахожу затруднительным найти объяснение выводу Европейского Суда, содержащемуся в § 108 его Постановления, согласно которому оговорка не распространяется на определенный отрезок периода предварительного заключения заявителя.

С моей точки зрения, Европейскому Суду надлежало постановить, что оговорка распространяется, по крайней мере, на период, проведенный заявителем в предварительном заключении во время производства предварительного следствия. Тем не менее следует иметь в виду, что расширительное толкование текста оговорки, как она применяется к статье 97 УПК, могло бы дать основания для определенных выводов о том, что продление сроков содержания под стражей свыше сроков, установленных в частях 4—7 статьи 97 УПК, является законным в случаях, когда обвиняемый(ая) и его (ее) адвокат не в состоянии ознакомиться с материалами дела до истечения максимального срока содержания под стражей, когда обвиняемый(ая) и его (ее) адвокат ходатайствуют о направлении дела на дополнительное расследование либо когда суд направляет дело на дополнительное расследование по истечении срока содержания под стражей.

Иными словами, российская оговорка в отношении пунктов 3 и 4 Статьи 5 Конвенции применяется не только к порядку предварительного заключения (который, кстати, коренным образом меняется с 1 июля 2002 г., когда соответствующие нормы УПК вступают в силу), но и к другим периодам содержания под стражей до суда. В этой связи необходимо определить, включает ли понятие «предварительное заключение» (*detention on remand*) время, проведенное под стражей после того, как дело было передано в суд.

2. Российское уголовно-процессуальное законодательство различает две категории предварительного заключения: предварительное заключение в период проведения предварительного следствия (когда лицо, содержащееся под стражей, «числится за следствием») и предварительное заключение в период производства по делу в суде (когда лицо, содержащееся под стражей, «числится за судом»). Это различие отражено в Федеральном законе от 13 июня 2001 г., который ограничил сроки производства по уголовному делу шестью месяцами. Однако в § 110 своего Постановления Европейский Суд со ссылкой на созданные им нормы прецедентного права счел, что предварительное заключение включает в себя весь период досудебного содержания под стражей — со дня заключения лица под стражу и до дня вынесения судом приговора. В конце концов, для задержанного, запертого в переполненной камере, нет разницы, числится ли он за следствием или за судом, или заключение его под стражу было произведено до вступления Конвенции в силу в отношении государства-ответчика или после. Это различие, однако, должно было бы иметь значение для Европейского Суда, если

Европейский Суд приемлет мысль о том, что в определении разумности сроков содержания под стражей доля усмотрения государства имеет значение.

Заявителю была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу на период предварительного следствия с 29 июня 1995 г. (день, когда он был заключен под стражу) по 19 июня 1996 г. (день, когда прокуратура области передала дело в Магаданский городской суд), то есть одиннадцать месяцев и двадцать два дня, что является меньше предельного срока в восемнадцать месяцев, установленного частью 2 статьи 97 УПК. После этого обвиняемый мог быть немедленно освобожден (частью 3 статьи 97 УПК). Этот отрезок времени предварительного заключения заявителя не может быть поставлен в вину государству-ответчику, поскольку он предшествовал моменту вступления в силу Конвенции в отношении России (несовместимо с условием *ratione temporis*).

Содержание заявителя под стражей на период производства по делу в суде длилось до 3 августа 1999 г., когда Магаданский городской суд постановил свой первый приговор, то есть три года, один месяц и двадцать один день (как это установлено Европейским Судом выше в § 110 своего Постановления). Не следует забывать, что отсрочки с вынесением приговора и — соответственно — затянувшееся пребывание заявителя в заключении частично были вызваны ходатайствами заявителя об отводе судей и его ходатайствами о рассмотрении дела судом в ином составе, равно как и заменой адвокатов и их неявкой в суд, что Европейский Суд косвенно приемлет в § 130 своего Постановления. Эти отсрочки в целом составили один год и три месяца. Это, конечно, не оправдывает процессуальную волокиту со стороны самих судов, но, несомненно, создает иную картину содержания заявителя под стражей в период, когда его дело находилось в производстве суда.

Наконец, направление дела на дополнительное расследование и постановление Магаданским городским судом 31 марта 2000 г. второго приговора по делу продлили срок содержания под стражей еще на семь месяцев — в соответствии с частью 7 статьи 97 УПК.

Тем не менее в целом заявитель провел пять лет, один месяц и двадцать три дня под стражей, из которых четыре года, девять месяцев и два дня были проведены в следственном изоляторе № 1 г. Магадана. Это не может считаться разумным сроком содержания под стражей для целей пункта 3 Статьи 5 Конвенции, несмотря на обстоятельства, мною изложенные выше. В соответствии с частью 8 статьи 97 УПК заявитель несколько раз обращался в суды с просьбой о судебной проверке законности и обоснованности его содержания под стражей. Он тем самым исчерпал все предоставленные ему в этих целях внутригосударственные средства правовой защиты.

3. Что же касается вопросов, возникающих на основе пункта 1 Статьи 6 Конвенции (право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок), то Европейский Суд, по моему мнению, к сожалению, пренебрег тем обстоятельством, что заявитель не использовал свое право обжаловать приговор



суда от 3 августа 1999 г., тем самым оставляя вопрос об исчерпанности внутригосударственных средств правовой защиты открытым. Верно, однако, что доводы заявителя подкрепляются тем обстоятельством, что этот приговор не вступил в законную силу, принимая во внимание дополнительное расследование и новый приговор, вынесенный 31 марта 2000 г.

4. С учетом вышеизложенных соображений, я считаю уместным согласиться с мнением своих коллег касательно нарушений Статьи 3, пункта 3 Статьи 5 и пункта 1 Статьи 6 Конвенции, но полагаю, что размер справедливой компенсации, присужденной в § 143 Постановления, должен быть определен отдельно в отношении различных нарушений Конвенции, установленных Европейским Судом.